

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеева М.Е. — Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений) // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40740 EDN: OPEIOX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40740

Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)

Алексеева Мария Евгеньевна

старший преподаватель кафедры семитологии и гебраистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7-9

✉ maria-alexeeva@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40740

EDN:

OPEIOX

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2023

Аннотация: Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя факторами, лицензирующими его кодирование, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью». Для достижения этой цели рассматриваются вопросительные и относительные местоимения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе в языке иврит, составляющие предмет исследования и обосновывающие его научную новизну, поскольку данный тип референциальных выражений, кодирующих пациентивного участника ситуации в современном иврите, до настоящего момента не был предметом научного обсуждения. Для проведения количественного и сравнительного анализа автором был сформирован экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений. В результате исследования был сделан вывод о существовании корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования, референциальным статусом

и одушевленностью в современном языке иврит. Исследование показало, что вариативность асимметричного объектного маркирования референтов, кодируемых вопросительными местоимениями, в подавляющем большинстве случаев (98%) регулируется одушевленностью референта, тогда как вариативность маркирования референтов, кодируемых относительными местоимениями, лицензируется как одушевленностью, так и референциальным статусом объекта. Также была выдвинута гипотеза о существовании дополнительного фактора, лицензирующего асимметричное объектное маркирование вопросительных и относительных местоимений и принадлежащего к области прагматических характеристик высказывания, в частности, степени топиальности референта, кодирующего пациентивного участника ситуации.

Ключевые слова:

объектное маркирование, современный иврит, одушевленность, референциальный статус, относительные местоимения, вопросительные местоимения, корпусное исследование, аккузатив, местоимения, референт

Введение. Феномен дифференцированного маркирования актантов (Differential argument marking) характеризуется наличием в разноструктурных языках регулярно встречающихся случаев отклонения от предписываемого способа кодирования именных групп, выступающих в функции субъекта, объекта, посессора или локатива, под влиянием определенного ряда факторов-лицензоров. Регулярность чередований способов кодирования под воздействием одних и тех же факторов в разных по структуре языках позволяет исследователям говорить о наличии единых механизмов, которые лицензируют дифференцированное маркирование различных актантов. Этот феномен вызывает большой интерес исследователей [например, 1-3, 14, 15, 19] и порождает целый ряд более частных вопросов, связанных с дифференцированным маркированием субъекта (Differential subject marking), локатива (Differential locative marking) или объекта. Дифференцированное объектное маркирование (Differential object marking, термин введен Г. Боссонгом в 1985 г. [9]), в свою очередь, делится на симметричное и асимметричное, описывая два способа морфо-синтаксического кодирования второго аргумента двухвалентного глагола, который реализуется в грамматической роли прямого объекта: симметричное маркирование реализуется с помощью чередования аккузативного и неаккузативного маркеров, а асимметричное — нулевого и ненулевого аккузативного маркеров.

Можно говорить о нескольких основных подходах, объясняющих вариативность объектного маркирования [5, 7, 10, 15, 20]. Первой в этом ряду и до сих пор признающейся одной из самых влиятельных является теория оптимальности, представленная в работе Дж. Эйссен [7]. В этой работе были названы два фактора-лицензора дифференцированного объектного маркирования, которые легли в основу последующих гипотез: факторы определенности и одушевленности. В дальнейшем указанные факторы, так или иначе, присутствовали среди мотиваторов, регулирующих объектное маркирование, и в общем виде сформулировать список факторов-лицензоров, упоминавшихся в различных работах, можно следующим образом: референциальный статус, одушевленность, топиальность, значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение [19].

Первые две категории в этом списке наряду с категорией определенности, которую

некоторые авторы предпочитают рассматривать отдельно, соотносятся с так называемой «степень индивидуализации объекта». Например, по мнению П. Хоппера и С. Томпсон, высокая степень индивидуализации соотносится с одушевленностью, определенностью и конкретно-референтным статусом объекта, в т.ч. выраженного именами собственными и формами единственного числа [16, с. 253], а согласно Дж. Хану, индивидуализированный объект с наибольшей вероятностью будет соответствовать следующим параметрам: определенность и/или присутствие квантификатора (квалификатора) в составе именной группы, референтность именной группы и одушевленность референта, его кодирование именем собственным, а также высокая степень активности референта в дискурсе [18, с. 469-470].

Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя из перечисленных факторов-лицензоров, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью». Для достижения этой цели будут рассмотрены вопросительные и относительные местоимения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе в языке иврит, которые будут составлять предмет исследования и, в том числе, обосновывать его **научную новизну**, поскольку данный тип референциальных выражений, кодирующих пациентивного участника ситуации в современном иврите, до настоящего момента не был предметом научного обсуждения.

В связи с относительно небольшой частотностью данного типа референциальных выражений в естественной речи автор принял решение прибегнуть к методам, выработанным корпусной лингвистикой, в результате чего для проведения количественного и сравнительного анализа был сформирован экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений, составленный на основе онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21), размещенного на платформе SketchEngine [22]. Для проведения сравнительного анализа в корпусе, помимо собственно вопросительных и относительных местоимений, были размечены по вышеупомянутым параметрам также другие типы референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование: именные группы с квантификатором *kol* «весь/всякий/каждый/все» (62% маркированных (197/316)) и с указательными местоимениями, не оформленные определенным артиклем (3% (6/223)), конструкции партитива (38% (60/156)) и указательные местоимения, самостоятельно кодирующие О-участника в транзитивной клаузе (48% (139/290)). Беглый подсчет подтвердил гипотезу о наличии асимметричного объектного маркирования также для рассматриваемого типа референциальных выражений: вопросительные местоимения в корпусе HOT маркировались в 34% представленных контекстов (31/92), а относительные — в 78% (100/129).

Фактор «одушевленность референта»

На первом этапе все референциальные выражения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, были размечены по параметру «одушевленность», что дало возможность сделать предварительный, но очень показательный вывод о наличии корреляции между одушевленностью референтов и способом маркирования кодирующих их референциальных выражений (Таблица 1) (из подсчетов были исключены только данные по референциальным выражениям, отсылающим к пропозициональным antecedентам, в связи с отсутствием у них параметра «одушевленность/неодушевленность»). Для понимания степени значимости корреляции предложенных параметров здесь и далее рассчитывался параметр «p-value» (уровень

значимости), который отражает результат теста «хи-квадрат» (chi-square), использующийся в статистических исследованиях для определения вероятности того, что указанная корреляция является случайностью. Значение p-value менее 0,05 указывает на то, что вероятность случайной корреляции между переменными меньше 5%, что обычно считается статистически значимым.

Значение p-value для параметров в Таблице 1 $< .00001$, т.е. вероятность того, что корреляция между параметрами «одушевленность» и «оформление референциального выражения с помощью маркера аккузатива *ét*» в зафиксированных корпусе НОТ контекстах случайна, меньше 1%.

Таблица 1.

Тип референта	Маркировано	% маркированных
Одушевленные референты	133/170	78%
Неодушевленные референты	267/752	36%
Общий итог	400/922	43%

Однако установить, в какой мере фактор одушевленности референта лицензирует асимметричное объектное маркирование формально определенных показателями детерминации именных групп, кодирующих этот референт (например, *kol ha-sfarim* все ART.книги «все книги»), представляется затруднительным, т.к. «определенность именной группы» сама по себе признается достаточным основанием для ее маркирования в позиции прямого объекта [13, 21].

Однако параметр одушевлённости может стать основным или одним из основных факторов-лицензоров для тех референциальных выражений, которые не имеют четко выраженного показателями статуса определенности. Особенно показательным влияние этого фактора будет на примере вопросительных и относительных местоимений, которые мы и поставили целью рассмотреть в данной работе.

Вопросительные местоимения

Как в современном, так и, например, в древнееврейском языке [8], существуют два вопросительных местоимения, кодирующих пациентивного участника ситуации: местоимение *mi* «кто» кодирует одушевленный референт, тогда как *ma* «что» — неодушевленный. При этом типично местоимение *mi* оформляется маркером аккузатива (1), тогда как *ma* — нет (2).

- (1) mi hizmin 'et mi la-Hafla?
кто приглашать.PRF.3MS ACC кто на-праздник
*Кто **кого** пригласил на праздник?*
- (2) **ta** ze mishtane?
что это менять.PT.3MS
***Что** это меняет?*

Тезис о дифференцированном маркировании вопросительных местоимений *ma* «что» и *mi* «кто» под влиянием фактора одушевленности референта, как и влияние данного фактора на частотность маркирования именной группы в позиции прямого объекта в целом, была убедительно доказана П. Бекинсом на материале древнееврейского языка [8], однако,

насколько автору известно, ранее не демонстрировалась на материале современного иврита.

На материале современного иврита данный тезис не находит опровержения, как в грамматических описаниях (которые постулируют дифференцированность объектного маркирования данных местоимений, но не указывают на параметр «одушевленность» как на фактор варьирования [12, с. 270-279]), так и согласно корпусу НОТ: вопросительное местоимение *mi*, кодирующее одушевленный референт, маркируется облигаторно, а вопросительное местоимение *ma*, кодирующее неодушевленный референт, маркируется в единичных случаях (1/62). Причем единственный зафиксированный корпусом пример отклонения от общего принципа, скорее всего, является результатом действия дополнительных дискурсивно-прагматических факторов, т.к. употребляется в диалоге, где местоимение *ma*, произнесенное адресантом в вопросе, как «эхо» повторяется адресатом в ответе (см. явление «топикальность»). Тем не менее, фактор одушевленности, по результатам проведенного корпусного анализа, несомненно, является основным фактором, регулирующим асимметричное объектное маркирование вопросительных местоимений в иврите.

Относительные местоимения

Местоимения *mi/ma* также могут выступать в качестве относительных местоимений, служащих вершинами определительных придаточных предложений и кодирующих пациентивного участника ситуации. Распределение относительных местоимений по способу объектного маркирования представлено в Таблице 2.

Таблица 2.

Местоимение	Маркировано	% маркированных
Относительное местоимение <i>mi</i>	67/79	85%
Относительное местоимение <i>ma</i>	33/50	66%
Общий итог	100/129	78%

Таким образом, несмотря на несомненную релевантность фактора одушевленности для вопросительных местоимений *mi/ma*, в случае с относительными местоимениями ситуация более сложная, в частности, объектное маркирование местоимения *mi*, кодирующего одушевленный референт, не является обязательным (67/79, 85%). Более того, существенная вариативность (33/50, 66%) наблюдается и в случае с маркированием неодушевленных референтов, кодированных местоимением *ma*. Соответственно, мы можем констатировать, что помимо фактора одушевленности, который объясняет бóльшую вероятность объектного маркирования относительного местоимения, кодирующего одушевленный референт, существует дополнительный фактор (или несколько факторов), регулирующий кодирование референта в таких случаях.

Этим фактором не может быть грамматическая определенность референта, поскольку для относительных местоимений не существует показателей детерминации.

По-видимому, ограничение на маркирование таких референтов связано с более тонким механизмом, отражающим мнение говорящего о реальности/нереальности референта в рамках релевантного денотативного пространства, т.е. с референциальным статусом, соответствующим конкретному местоимению в каждом конкретном контексте. Под референтностью в данном исследовании мы понимаем «соотнесение и соотнесённость языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [4, с. 79], или иначе

говоря, с действительностью, а точнее с моделью действительности в сознании участников речевого акта [\[5\]](#).

Уточним, что для маркирования относительных местоимений, кодирующих пациентивного участника ситуации, отраженной в транзитивной клаузе, в соответствии с теорией референтности, требуется соблюдение презумпции существования и единичности указанного референта. Даже если данные характеристики являются не безусловным фактом, а смоделированы представлением говорящего о действительности, как было указано в определении выше. Сравним два примера:

- (3) Hiyakhti 'el elisha ve-kara'ti le-miltsarit: shiniti 'et da'ati. ani rotsa lehazmin **et ma she-hu** hizmin!"

*Я улыбнулась Элише и позвала официантку: "Я передумала. Я хочу заказать **то, что он заказал!**"*

- (4) hem yekholim liftoan po 'ohel be-'emtsa ha-shkhuna ve-lehatHil leveshel, lishHot kan parot ve-la'asot **et ma she-hem 'osim sham** (be-etyopiya)!

*Они могут открыть палатку здесь посреди квартала и начать готовить, резать коров здесь и делать **то, что они делают там** (в Эфиопии(!)*

В примере (3) мы видим дейктическое употребление местоимения *та*, поскольку оно явно указывает на известный из ситуативного контекста и, возможно, из предшествующего отрывка дискурса конкретный и однозначно опознаваемый участниками коммуникации референт. В примере (4) приведено мнение жителя района Бар-Иегуда в Кирьят-Малахи о членах его сообщества, выходцах из Эфиопии. Референт конструкции «*то, что они делают там*» в общем случае вряд ли можно признать конкретным, идентифицируемым однозначно всеми участниками коммуникативной ситуации, особенно если в дискурсе он упоминается впервые, что имеет место в данном случае. Но говорящий в данном примере убежден, что существует определенный набор действий всех жителей Эфиопии (который вызывает у него негодование и другие отрицательные эмоции, что очевидно из контекста высказывания), который, на его взгляд, является достаточно конкретным и очевидным для всех участников коммуникации, чтобы маркировать в позиции прямого объекта.

Важную роль в выборе говорящим способа кодирования прямого объекта, помимо соотносительности конкретного референта с действительностью или представлением о ней, играет особый референциальный статус, возникающий в так называемом «дистрибутивном» контексте, или, согласно А. Д. Шмелеву, в «переменном денотативном пространстве», которое «задается поочередно выбираемыми элементами некоторого введенного в рассмотрение множества», например, «Конь иногда сбивает седока» [\[6, с. 98-99\]](#). Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, если контекст высказывания позволяет применить к референту относительного местоимения, кодирующему пациентивного участника ситуации, презумпцию существования и единичности, то даже в переменном денотативном пространстве такой референт будет кодироваться также как конкретно-референтный объект, т.е. маркироваться в позиции прямого объекта (5).

- (5) le-tsa'ari, ha-'ovdim lomdim maher me'od she-yoter mishtalem la'asok be-'avodot meshek bayt. hem memaharim lintosh '**et mi she-hevi 'otam la-'arets...**

К сожалению, рабочие очень быстро понимают, что заниматься

*домашним хозяйством выгоднее. Они спешат отказаться от **того, кто привез их в Израиль...***

В примере (5) невозможно однозначно идентифицировать референт дескрипции «*тот, кто привез их в Израиль*» и соотнести его с неким конкретным человеком, в том числе потому, как следует из контекста, что разных рабочих (вероятно, группами) «привозили» разные работодатели. Однако в указанном высказывании выстраивается модель действительности, где для каждого «привезенного» в Израиль рабочего существует единственный работодатель, обеспечивший ему въезд в Израиль, тем самым обеспечивается презумпция существования и единичности. Таким образом, в рамках данного денотативного пространства атрибутивная дескрипция *mishe-hevi ótamlá-árets* будет маркироваться на основании референциальных характеристик.

Частным случаем референтного употребления относительных местоимений является также псевдо-диалогичный контекст, в рамках которого адресант обращается к аудитории как к непосредственно присутствующему члену коммуникативного акта. В этих случаях нереальные ситуации, в которых имеют место различные референты, относящиеся к аудитории (или к обобщенной группе «говорящий+аудитория», реализующуюся через употребление местоимений «мы», «наш» и т.п.), интерпретируются как реальные, т.е. формируют модель действительности, в которой адресант обращается непосредственно к реальному собеседнику, а упоминаемые в этом контексте объекты приобретают референтный статус и, соответственно, маркируются. Например, коммерческий веб-сайт публикует рекомендации, что именно следует приобретать в подарок матери (6):

(6) tukhlu lehishtatef ve-lirkhosh la matana yekara ve-'eHutit, kakh yihye la-khem harbe yoter kal lirkhosh **'et ma she-be-'emet rtsitem.**

*Вы сможете сброситься и купить ей дорогой и качественный подарок, так вам будет намного проще приобрести для нее **то, что вы действительно хотели.***

Несмотря на то, что текст примера (6) обращен к бесконечному множеству потенциальных покупателей, у каждого из которых референт дескрипции *étmashé-be-émetrtsitem* «*то, что вы действительно хотели*» будет разным, контекст подразумевает единичность референта для каждого покупателя и такая дистрибутивная определенность позволяет маркировать данное референциальное выражение.

Важным фактором для определения референциального статуса относительных местоимений является также очевидное или скрытое отражение говорящим своей уверенности/неуверенности в реальности обозначаемого референта или выражение сомнения относительно этого факта. Например, употребление ограничительных конструкций («по крайней мере, по нашему скромному мнению») также как и других оборотов, выражающих сомнение адресанта («не знаю, так ли это») или отрицающих реальность сказанного выше («хотя я так не считаю») достаточно регулярно коррелирует с нереферентным употреблением относительных местоимений. Исходя из отмеченной нам тенденции, референциальный статус относительных местоимений определяется в том числе, исходя из степени уверенности говорящего в реальности референта в соответствии со следующей классификацией: референтный статус присваивается в случае, если референт определяется как реальный для говорящего, нереферентный — когда говорящий идентифицирует его как нереальный или выражает сомнение в его реальности.

Подтверждением результативности такого подхода стал высокий уровень значимости корреляции между референтным статусом относительных местоимений и их маркированностью в позиции прямого объекта, рассчитанный на основе данных Таблицы 3 ($p\text{-value} < .00001$).

Таблица 3.

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус относительного местоимения	100/106	94%
Нереферентный статус относительного местоимения	0/23	0%
Общий итог	100/129	78%

Таким образом, на основании высокого уровня значимости выявленной корреляции, референциальный статус можно считать одним из факторов, лицензирующих асимметричное объектное маркирование относительных местоимений, кодирующих в современном иврите О-участника в транзитивной клаузе. Однако в рамках многофакторного подхода к дифференцированному объектному маркированию сочетание двух факторов-лицензоров, а именно референциального статуса и одушевленности референта, позволяет получить еще более однозначные результаты, отраженные в Таблице 4 ($p\text{-value} < .00001$).

Таблица 4.

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус (одушевленный реф-т)	67/67	100%
Референтный статус (неодушевленный реф-т)	33/39	85%
Нереферентный статус (одушевленный реф-т)	0/12	0%
Нереферентный статус (неодушевленный реф-т)	0/11	0%
Общий итог	100/129	78%

Полученные данные наглядно демонстрируют, что референтные дескрипции, кодирующие одушевленный референт, маркируются в 100% зафиксированных корпусом контекстов (67/67), кодирующие неодушевленный референт — в 85% (33/39), тогда как нереферентные, как одушевленные, так и неодушевленные, демонстрируют запрет на маркирование в позиции прямого объекта (0/12, 0/11 соответственно).

Выводы и заключение.

В исследовании с помощью методов количественного и сравнительного анализа, базирующихся на материале экспериментального корпуса современного иврита, на примере вопросительных и относительных местоимений, кодирующих О-участника в транзитивной клаузе, была выявлена корреляция между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя лицензирующими его факторами-лицензорами: референциальным статусом объекта и одушевленностью кодируемого им референта. Был сделан вывод о том, что вариативность объектного асимметричного маркирования референтов, кодируемых вопросительными местоимениями, в подавляющем большинстве случаев (98%) регулируется одушевленностью референта, тогда как вариативность маркирования референтов,

кодируемых относительными местоимениями, лицензируется как одушевленностью, так и референциальным статусом объекта. Именно влиянием второго фактора-лицензора, референциального статуса, объясняется описанная выше разница в маркировании вопросительных и относительных местоимений, кодирующих пациентивного участника ситуации: асимметричное объектное маркирование вопросительных местоимений лицензируется, в подавляющем большинстве случаев, только параметром одушевленности референта (100% маркирование для одушевленного, и 2% для неодушевленного), тогда как объектное маркирование относительных местоимений лицензируется сочетанием параметров «референциальный статус ИГ» и «одушевленность референта».

Библиография

1. Аркадьев П. М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 34-62.
2. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // Вопросы языкознания. 2016, № 6. С. 113-127.
3. Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2017. Том XIII. №3. С. 11-40.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 293 с.
5. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59-142.
6. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК. 2002. 496 с.
7. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory 21(3), 2003. Pp. 435-483.
8. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 2012. 287 p.
9. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
10. Dalrymple, M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 247 p.
11. De Hoop H., Malchukov A. Case-marking strategies // Linguistic Inquiry 39, 2008. Pp. 565-587.
12. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
13. Halevy R. Modern Hebrew syntax // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics, General editor G. Khan, vol. 3. Brill: Leiden, 2013. Pp. 707-722.
14. Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // STUF- Language Typology and Universals. Vol. 72. No. 3. 2019. Pp. 313-334.
15. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // Linguistics. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
16. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language, 56. 1980.

Pp. 251–299.

17. Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages // Glossa: a journal of general linguistics 2(1): 20. 2017. Pp. 1-40.
doi:10.5334/gjgl.112
18. Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages // Bulletin of the School of Oriental and African Studies Vol. 47. No. 3. 1984. Pp. 468-500.
19. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339–355.
20. Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking // Linguistics. 52(2). 2014. Pp. 281–313. doi:10.1515/ling-2013-0063.
21. Wintner S. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // Journal of Linguistics 36(2), 2000. Pp. 319-363.
22. SketchEngine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду применения количественных методов для изучения поставленного научного вопроса.

Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя из перечисленных факторов-лицензоров, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью».

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы количественного и сравнительного анализа, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также описание. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Практическим материалом исследования явился экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений, составленный на основе онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21), размещенного на платформе SketchEngine. Считаем, что подобный корпус вполне достаточен для проведения исследования.

Полученные автором данные представлены в табличной форме, что облегчает восприятие информации читателем.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практике иврита. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.